

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СЕМЬИ В XVI – XVIII вв. (ПО МАТЕРИАЛАМ АКТОВЫХ КНИГ МОГИЛЕВСКОГО МАГИСТРАТА)

Создание новой семьи было важным этапом в жизни каждого человека. Вступление в брак вело к смене социальных ролей индивидуума. Он приобретал целый ряд прав и обязанностей, обусловленных семейной жизнью. Создать семью молодые люди имели право, достигнув брачного возраста. К сожалению, исследование актовых книг могилевского магистрата, не позволяют нам установить, в каком возрасте молодые люди создавали семью в XVI – XVIII вв. Работы других ученых также не дают однозначного ответа на данный вопрос. У одних брачный возраст для юношей составляет 14–16 лет, а для девушек – 12–13 [11, С.23]; у других – 14–18 и 12–14 соответственно [6, С. 85]. Польский же историк Ю.Бардах отмечает, что еще в 1619 г. матери не желали выдавать замуж своих дочерей, если они не достигли 17 – 18 лет [15, С.53]. Поэтому при рассмотрении данной проблемы нам приходится опираться на общегосударственное и городское право, в соответствии с первым брачный возраст в XVI в. составлял для молодого человека 18 лет, а для девушки – 15 лет [8, С.38; 10, С.142]; в памятниках же городского права отмечается возможность создания семьи для юношей достигших 12 летнего возраста [14, С.34].

Важную роль при формировании новой семьи играли родители. Они выбирали будущую партию для своих детей¹. Более того, заключение брака считалось не допустимым без согласия родителей будущих жениха и невесты [7, Л. 85]. Ослушание со стороны дочери наказывалось – родители могли лишить ее наследства [9 С. 137]. Однако, бывали и исключения. Так, в 1579 г. Сенко Ботвиневич объясняя причину, по которой его дочь вернулась к нему домой, говорит: «... ач дей я отдаючи дочку свою замуж, пытал ее, если бы хотела за того доброго человека...» [1, С. 182 – 183]. Как видим, отец поинтересовался мнением дочери. К сожалению, исследование актовых книг не позволяет нам с уверенностью установить, было ли это связано только с тем, что данный брак был невенчаным, или с тем, что между отцом и дочерью сложились столь теплые и доверительные взаимоотношения.

Создание нового семейного союза сопровождалось целым рядом брачных традиций. Заключение брака проходило в несколько этапов: сватание: «была у него (Ждана Богдановича – А.Н.) приятелка моя и его через колко лет, и мел ее замуж выдат, которые кгда се люди сватали, отдад замужь не хотель...» [1, С.406], помолвка, «девичий вечер»: «кгда Улита, сестра моя, ишла замуж, тогды я ей <...> девичый вечер справиль...» [1, С.551]. Помолвка являлась одним из важнейших этапов в свадебной обрядности. Ее расторжение влекло за собой юридические последствия. Так сторона ставшая инициатором разрыва должна была возместить материальные затраты, которые понесла «потерпевшая

¹Прежде всего, это касалось дочерей, которые до момента вступления в брак находились на попечении отцов.

сторона» при подготовке к свадьбе. Подобные последствия имели место и в том случае, когда свадьба уже состоялась, а потом одна из сторон отказалась от данного брака¹. В этом случае компенсацию выплачивали их родственники: *«Ивашко Овсеевич Хлусович <...> жаловалъ на учтывого Сенька Ботвиневича <...> о томъ, иж дей он, отдавши дочку свою Соню в станъ светы малженски пры бытности людей добрых засъ до него прыехал был у домъ, то пакъ теперь ее мне, яко жоны моей, отдати и зо мьною до дому пустити не хочеть, гдыж я справуючи веселее наложилемъ копу гр(о)шей. <...> А уряд, выслухавши жалобы и отпору сторонъ, иж се еще не венчали были межи собою, сказалъ абы отпорная сторона поводовой стороне Ивашку наклады вернулъ»* [1, С.183]. Данная практика была обусловлена тем, что в рассматриваемое время брак являлся экономическим союзом двух родов [15, S. 132].

Во время помолвки решался и вопрос о приданном невесты, которое, согласно бытовавшим правовым нормам, обязательно должны были ей дать родители. В качестве приданного могли выступать всевозможные вещи, деньги, скот: *«Аврамъ Іаковлевич оповедал <...> иж што <...> за тестаментом дочки свое Аннушы <...> обжаловалъ был мещанина государьского Могилевского Увара Василевича, бывшего зятя своего <...> о <...> внесеня ее, которое была она, идучи за него в стан малженский <...> внесла, то ест меновите: сіан люнский чирвоный з оксамитамъ, <...> сіан мышинский сѣрый, <...> чепец золотый, <...> брашка перловая <...> корова одна доморослая, скатерть, а меду пудов пять...»* [5, С. 156–157], иногда – недвижимостью: *«Евлан и Отрошко, перед судом <...> сознали то, иж кды Овсей дочку свою в малженство за Мишка Лукіановича довал, тогды вместо посагу готовыхъ грошей, то ест водлугъ звычайу тутомнего краю, у приданстве за дочкою своею тот дом <...> ему на вечность дал...»* [5, С. 75]. Приведенный отрывок свидетельствует о том, что наделение девушки недвижимостью в качестве приданного не было характерным явлением, а скорее являлось исключением из бытовавших в XVI – XVIII вв. в Могилеве традиций. Размер приданного зависел от материального благосостояния родителей: *«Учтивы Андрей Похобович чинил оповедане и светчене на учтывого Андрея Атрошьковича, штож дей дал есьми был за него в стан светы малженски дочку свою, по которой дал есьми сукню порпурияновую, чорную корову, узголовье и перину, скриню...»* [1, С. 15 – 16]; Павел Капуста дал за своей дочерью следующее приданное *«найпервей сукна синего люнского сукна, у которую управил гр(о)ши копъ тры, шапъку акъсамитную, купленую за две копе гр(о)ши, сорочокъ добрых тонкихъ десет, чепъцовъ з седмъ, перины и узголовие з наволочками тонкими, гр(о)ши готовых копъ пят, свиню одну, овцу одну, телицу одну...»* [1, С. 88–89]. Все это юридически оформлялись в «договорном листе», как это сделал в 1579 г. могилевский мещанин Гришко Мартинович *«созналъ <...> иж взялъ от слаутного пана Лукяна Михайловича Пилка <...> по жене своей Домъне в посагу поступленыхъ двадцат копъ гр(о)ши...»* [1, С. 165].

¹ В данном случае речь идет о невенчанном браке, когда брак считался заключенным сразу же после свадьбы, но не имело место венчание в церкви.

Следуя этой традиции отец, чувствуя приближении смерти, предусматривал приданное для своей дочери, а также определял человека, на которого возлагал функции отца, последний обязан был передать в руки девушки приданное, оставленное отцом: *«ку тому дочце своей Одарыи, <...> отписал, монеты и личбы литовское готовых гр(о)ши копътрыдцать, а ку тому шубу лисю хутра нового <...> поес серебряный, соян черленый и ку тому сукман, то все мает сын мой старъши Микита, кгда сестру замужь отдавати будет, все сполна отдати и веселее справити...»* [1, С. 198–99]. В данном случае, обязанности отца должен был взять на себя старший брат. Следует отметить, что если у главы семьи имелось несколько дочерей, то они наделялись одинаковым приданным, причем вне зависимости от материального благосостояния родственника (опекуна), который выдавал девушку замуж: *«кгда Улита, сестра моя, шла замужь, тогда я ей почал упоминат то, иж ее з достаткомъ великимъ выдат не могучы, за тым, же самъ должен, але по убоству за ведро пива...»* [1, С. 550–551].

Во время помолвки определялся и размер вена, которое было призвано обеспечить будущность женщины в случае смерти ее мужа. Вено, как и полученное приданное, должно было быть юридически оформлено [10, С. 213–214]. Исследование актовых книг показывает, что оформление вена имело место в завещаниях горожан, где муж записывал своей жене вено примерно такого же размера как получал за ней приданное (например, могилевский мещанин Клишко) [1, С.75]. Размер вена мог превышать размер внесения жены, однако вено должно было превышать $\frac{1}{3}$ от всей недвижимости семьи [2, С.135–136].

После помолвки обе стороны начинали готовиться к свадьбе. Договаривались со священником, выбирали свидетелей, причем присутствие последних во время свадьбы было обязательным. Вот как пишет об этом известный просветитель XVI в. Ф.Скорина в своем предисловии к книге «Песнь царя Соломона»: *«<...> на браку бывають розличныя твари: первая ест жених, вторая – невеста, третии суть друзи жениховы, а четвертыи – дружина невестина...»* [12, С.56]. Также молодые приглашали гостей, украшали дом, готовили свадебные одежды [13, С.88], запасались едой и хмельными напитками (медом, пивом и т.д.): *«маю горелку у доме своемъ не для жадное продажи, але есми курить горелку для веселя сына своего...»* [3, С. 485].

В день свадьбы жених с невестой ехали в церковь, где происходил обряд венчания: *«Яко Конашевичъ <...> жаловаль <...> на Симона Гридковича о томъ, што дей жона моя Марья а дочка его, нетъ ведома для которое причины отъ мене отошла и до него, отъца своего, прибегла, которое онъ мне, яко жоны моее властное, венчалное <...> выдати не хочеть...»* [4, С. 225], либо просто устраивали праздничное застолье (Ивашко Освеевич Хлисович и Соня). [1, С. 182 – 183]. Праздничное застолье являлось одним из основных элементов свадебного обряда, во время которого накрывались столы: *«Григорий Лобан жаловал на учтивого Ивана Тарасовича о томъ, иж кгдым мел выдат замужь приятелку свою <...> выложыл на веселе <...> меду за копу гр(о)шей, пива за петнадцат гр(о)шей <...> а хлеба, соли не рахую...»* [1, С. 415], присутствовали

гости: «отдавши дочку свою Соню в станъ светы малженски пры бытности людей добрых...» [1, С.182]. В XVI–XVIII вв. расходы на свадьбу несли как сторона невесты, о чем свидетельствует приведенный выше отрывок, так и жениха (либо сам жених): «я (Иванко Овсеевич Хлусович, жених – А.Н.) справуючи веселе наложилемъ копу гр(о)шей...» [1, С.182]. Стоит отметить, что размах праздника зависел от материального благополучия семей брачующихся. Например, могилевский мещанин Потап Ланкович, выдавая свою сестру замуж, вынужден был с ее согласия продать лисью шкуру, чтобы устроить сестре свадьбу [1, С. 550].

После свадьбы молодая пара в основном жила в семье мужа: «Хветко Петрович <...> жаловал на устивого Алисе Семеновича <...> свата своего, о томъ, иж <...> он у дому своемъ сына своего и з дочкою моею ховати не хочети, проч от себе выгнал...» [1, С. 223–224]. Временами, молодая пара создавала свой собственный очаг. Это было возможно, например, если отец будущего супруга выделал своего сына. Так, в 1578 г. Игнат Чемерович составляя завещание, отметил, что в случае брака его младшего сына Федора, старший, который также не был отделен, должен передать в пользу первого часть имущества, в том числе и недвижимого. Таким образом, оба его сына после смерти отца, получали возможность стать главами своих собственных семей [1, С.128]. Однако, бывали случаи, когда муж переходил в семью жены. Подобная традиция существовала в основном в городской среде, где ремесленники и купцы были заинтересованы в увеличении количества рабочих рук, и имела место в том случае, если у мещанина не было собственных сыновей (в последствии к зятю переходили дела тестя, особенно если в семье больше не было сыновей) [7, С. 28; 16, S. 159].

Литература:

1. Акты издаваемые Виленскою комиссіею для разбора древних актов: в 39 т. Т. 39. – Вильна: Типограф. Губ. правл., 1915. – 664 с.
2. Дзержина Г. Права і сям'я ў Балерусі эпохі Рэнэсансу. – Мн.:Тэхналогія, 1997. – 175 с.
3. Историко-юридические материалы: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. Вып. 7. – Витебскъ, тип. Губ. правл., 1876. – 517 с.
4. Историко-юридические материалы: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. Вып. 8. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1877. – 530 с.
5. Историко-юридические материалы: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. Вып. 30. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1903. – 360, 164 с.
6. Скарына і яго эпоха / пад рэд. В.А. Чамярыцкага. – Мн.: Навука і тэхніка, 1990. – 282 с.
7. Собрание припадков краткое, и духовным особам потребное. – Супраль, 18.10.1722 // МК.РГБ.
8. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. / под ред. К.И. Яблонкиса. – Мн.: Академия наук БССР, 1960. – 253 с.
9. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566. – Мн.: Тэсей, 2003. – 315 с.
10. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: тэксты, даведнік, каментарыі /

- рэдкал.: І.П.Шамякін [і інш.]. – Мн.: БелСЭ, 1989. – 573 с.
11. Сям’я і сямейны быт беларусаў / пад рэд. В.К. Бандарчыка [і інш.]. – Мн.: Навука і тэхніка, 1990. – 256 с.
 12. Франциск Скорина и его время. – Мн.: БелСэ, 1990. – 631 с.
 13. Чаквін І.У. Этнаграфія беларусаў эпохі Скарыны: сямейны і грамадскі побыт, матэрыяльная і духоўная культура // Скарына і яго эпоха / пад рэд. В.А. Чамярыцкага. – Мн.: Навука і тэхніка, 1990. – 280 с.
 14. Эйке из Репкова Саксонское зеркало. В 2-х ч. Ч. 1: Земское право. В 3-х книгах. Кн. 1 / пер. Л.И. Дембо. – М.: Наука, 1985. – [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XIII/Sachsenspiegel/frametext1.htm>. – Дата доступа: 08.01.2007
 15. Kuchowicz Z. Barbara Radziwiłłowna. – Łódź: Wydaw. Łódzkie, 1976.